

С. С. Михайлов

**СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ
НИКОЛЬСКИЙ ХРАМ В СЕЛЕНИИ
УСТЬЯНОВО**

**К 100-летию предполагаемого освящения
(1917-2017)**

г. Владимир 2016

УДК 94(470.313)
ББК 63.3(235.44)
М69

Михайлов Сергей Сергеевич

М69 Старообрядческий Никольский храм в селении Устьяново.
К 100-тию предполагаемого освящения (1917-2017)/
С.С. Михайлов. – Владимир : Изд-во ООО «Транзит-ИКС»,
2016. – 52 с.

ISBN 978-5-8311-0997-9

© Михайлов С. С., 2016

© Издательство ООО «Транзит-ИКС», 2016

Никольский храм в Устьяново.
Фотограф О. Шуров. С сайта «Храмы России» (temples.ru)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2017 году должно исполниться ровно сто лет со времени освящения старообрядческого храма Святителя Николы в селении Устьяново, сооруженного по проекту известного старообрядческого архитектора Н. Г. Мартьянова, который находится на юге современного Орехово-Зуевского района Московской области. Точная дата этого события нам неизвестна, но, можно предположить, что она была приурочена к одному из двух дней памяти этого святого, празднуемых в году: 22 мая и 19 декабря по н.с. Старообрядцы и краеведы до сих пор считают временем начала функционирования этого храма 1914 год, о чем есть сведения и в архивных документах, и в старообрядческой периодике типа журнала «Церковь». Однако, все упоминания этого периода рассказывают только об одном – о закладке этого храма. Построить, пусть и небольшой, каменный храм, отделать его и подготовить к освящению, в 1914-м явно не успели. Не надо забывать, что тогда же началась Первая Мировая война, которая отвлекла часть мужских рук деревни Устьяново, а также явно негативно сказалась на финансовой подпитке со стороны благодетелей. Здесь сразу надо понять, что время от закладки до освящения заняла в таких условиях не один год.

Освящение в 1917 году мы не придумали, об этом нам дал знать один архивный документ советской эпохи, а именно учетная карточка Никольского устьяновского храма, составленная уже в середине-второй половине XX века. Здесь существует и пункт о том, когда данное культовое здание начало функционировать и написано – 1917. Откуда неизвестные нам авторы документа взяли этот год, мы не знаем. Возможно, здесь информация взята из какого-то более раннего документа, возможно, она была получена от прежних представителей устьяновского религиозного общества или от рогожской Архиепископии. Другой конкретики по этом поводу мы нигде не нашли, однако, то, что Никольскую церковь, заложенную в

1914-м, строили и отделывали три года, видится более чем вероятным. Храм мог быть освящен как в период, когда в России правило Временное Правительство, так и в конце года уже при большевиках. Последние относительно спокойно смотрели на вероисповедания, гонимые царским правительством в первые годы своего правления и какое-то время разрешали строить новые культовые здания. Старожилы 1990–2000-х гг., с кем мне довелось пообщаться, уже ничего не могли рассказать о событиях начала XX в., а помнили лишь в лучшем случае время предшествовавшее закрытию церкви в 1930-х гг. О том, когда в нынешней каменной церкви начали молиться, не знал, даже по рассказам поколения родителей, никто.

К прошлому этой церкви автор обращался неоднократно, более полно описав его в статье в альманахе «МЕЩЁРА-край» в 2013 году. Столетие начала молитвенной (богослужебной) истории старообрядческого Никольского каменного храма в деревне Устьяново, в прежних Гуслицах, повод еще раз вспомнить его историю.

ГЛАВА 1.

ПРЕДЫСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПРИХОДА В УСТЬЯНОВО

«Старообрядческая Палестина» – Гуслицы

Край, в южной части которого расположено селение Устьяново, в прошлом был известен всей России. Его название – Гуслицы. Со времен княжения Ивана Калиты, из его духовных грамот, известна древняя волость Гуслица, в которую входили земли в нижнем течении одноименной реки. Она просуществовала на протяжении многих столетий, прекратила же свое существование после административных реформ Екатерины II. Однако название древнего края, только уже во множественном числе, сохранилось благодаря местному старообрядчеству, создавшему здесь самобытную культуру. В старообрядческие Гуслицы XIX – начала XX вв., когда край и был известен всей Российской Империи, помимо селений древней волости вошли и некоторые местности к северу и западу от нее.

После церковной «реформы» учиненной в середине XVII века царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, сюда в местные глухие леса и болота, бежали из Москвы и других мест ревнители Древлего Благодестия. «Почва» для их приема была подготовлена еще задолго до никоновских церковных экспериментов. Волость Гуслица, как глухой и далекий от границ край, была использована как место высылки великим князем Иваном III для жителей покоренного Великого Новгорода. Отличавшиеся непорочным нравом и свободолюбием новгородцы создали в Гуслице ряд деревень, например, Анциферово. Их потомки к моменту никоновской «реформы» сохраняли память о том, как поступили с их предками. Также и испокон веков знавшие грамоту новгородцы сразу же разобрались в том, какую «веру» им предлагает Никон. Другие старообрядцы бежали в этот край, точно зная что здесь их ждут одиозеры и здесь они найдут надежное убежище. Так, всего в шести-семи десятков верст от «Первопрестольной» столицы России –

Москвы – появился регион, который в прошлом именовали не иначе, как «Старообрядческая Палестина».

Но, Гуслицы являют собой лишь часть большого массива расселения старообрядческого населения на востоке современного Подмосковья. Вокруг этого края расположились не менее самобытные уголки Русского Староверия: «Патриаршина» (центральная часть современного Орехово-Зуевского района, включая города Орехово-Зуево, Ликино-Дулево, а также поселения Кабаново, Губинскую, Язвищи и др.), Вохна, Загарье (обе местности – современный Павлово-Посадский район), Гжель, а также безымянные старообрядческие уголки нынешних Егорьевского, Воскресенского, Коломенского районов Московской области. Сами Гуслицы также были краем неоднородным, включавшим в себя такие уголки, как Заход (Заохот) в районе Давыдово, Запонорье (Запонорщину) – в северной части Гуслиц, Раменье – район Авсюнино, Мисцево, Рудни.

В Гуслицких деревнях писали иконы, лили кресты и небольшие иконки, переписывали славившиеся по всей России певческие книги с заставками т. н. «гуслицкого» письма или «гуслицкой» росписи. Последняя пришла в край после 1770-х гг. вместе с небольшой группой старообрядцев – переселенцев из разгромленной царскими войсками Ветки – известного старообрядческого края на территории современной Гомельской области Республики Беларусь. Расселившиеся по некоторым гуслицким селениям ветковцы стали оформлять певческие рукописи ветковскими орнаментами, которые быстро развились в самостоятельный вид росписи – «гуслицкую». Видимо, несколько ветковских семейств попали и в деревню Устьяново, поскольку здесь до начала XX столетия писали книги с «гуслицкими» заставками. Последним таким устьяновским семейством были Кашкины. Ветковцы также повлияли и на развитие других старообрядческих промыслов Гуслицкого края.

Гуслицы считались краем с огромным процентом грамотного населения. По традиции, деревенских детишек обучали чтению, певческой крюковой грамоте и некоторым другим азам сельские начетчики-грамотеи и старообрядческие инокини-«келейницы», небольшие домики-кели были в прошлом в большинстве селений

края. После 1840-х гг. Гуслицы стали своеобразной кузницей кадров духовенства Белоокриницкой иерархии. Священников-гусляков можно было встретить на многих старообрядческих приходах Москвы, Санкт-Петербурга, а также других городов и весей.

Помимо значительных духовных успехов, которые сделали Гуслицы известными всей старообрядческой Руси, жители края добились и огромных успехов на экономическом поприще. Этому во многом способствовал тот факт, что здесь нет хороших плодородных земель. Единственной культурой, которая кормила жителей значительной части гуслицких деревень был хмель. Его выращивание и продажа была одним из основных источников дохода многих семей. До сих пор в ряде семей могут вспомнить, что прадед или прапрадед получал грамоты за свой хмель на выставках где-нибудь в Германии. В советское время хмель еще какое-то время выращивали в местных колхозах и совхозах, пока не отказались от него в 1950-х гг. в пользу картофеля. Последние 10 га хмельников сохранились возле деревни Заполицы (совхоз «Титовский») до пожаров 1972 года.

Отсутствие плодородных земель во многом повлияло и на появление и развитие текстильной промышленности в Гуслицах и на сопредельных территориях. К началу XX столетия фабрики были при многих деревнях: Абрамовка, Мисцево, Дорхово, Куровская, Новинка и пр. В остальных селениях также были небольшие мастерские, красильни и другие заведения. Из Гуслиц происходили такие известные в московском и российском старообрядческом промышленном мире фамилии, как: Рахмановы (деревня Слободищи), Балашовы (д. Куровская), Руновы (д. Новинка), Гущины (д. Давыдово), Миловановы (д. Авсюнино), Муравлевы (д. Абрамовка) и др. Знаменитые питерские купцы Громы – основатели Громовского старообрядческого кладбища «Северной столицы», были уроженцами деревни Беливо. Однако, рассказ про экономику Гуслиц, гуслицкие промышленные династии и историю гуслицких предприятий и заведений – тема многих отдельных исследований.

Кто и когда первым назвал Гуслицы «Старообрядческой Палестиной», мы вряд ли когда-либо узнаем. Вплоть до начала XX столетия

такое определение края было настолько популярным, что мы встречаем его даже в антистарообрядческой миссионерской периодике. [1]

Одним из важных факторов благоприятно повлиявших на сохранение дониконовских традиций в Гуслицком крае, было и то, что находившаяся в начале XVIII столетия в частном владении волость Гуслица была у лиц, хорошо относившихся к староверию. Вначале Гуслица была у знаменитого сподвижника Петра Первого – Александра Даниловича Меншикова. Он-то и выпросил волость в свое владение и Петра. После опалы «светлейшего князя», волость попала во владение родственников первой жены Петра – Лопухиных. И Меншиков, и Лопухины сами старообрядцами не являлись. Однако, они относились к той части русской знати, которая какое-то время еще сохраняли симпатии к дониконовской Руси и покровительствовали хранителям ее традиций.

Троицкий Шувойский старообрядческий монастырь

Одним из старейших и важнейших духовных центров, которые в значительной степени повлияли на формирование гуслицкого староверия и на становление окрестных деревенских обществ, был Троицкий старообрядческий монастырь находившийся в лесу около деревни Шувое, в урочище «Княжёво». Место это находится всего в нескольких километрах восточнее Устьяново и понятно имеет весьма непосредственное отношение к истории старообрядчества в последнем.

К сожалению, в силу отсутствия архивных документов узнать точный год основания этого монастыря и его пусть даже и относительно подробную историю. Еще в середине XX столетия в Шувое и окрестных селениях сохранялись предания о возникновении обители. Они были использованы анонимным автором при написании небольшой заметки о Шувое-Нареевском приходе в «Старообрядческом церковном календаре ан 1949 год». Согласно ней, сразу

после раскола Русской Церкви патриархом Никоном, получается, что еще в середине XVII века, в это место бежали монахи нескольких московских монастырей, отказавшиеся принять никонианство. Они поставили в урочище «Княжёво» кельи, которые вскоре стали полноценным старообрядческим монастырем. Обитель была посвящена Святой Троице, что повлияло и на посвящение старообрядческих общественных моленных в соседних деревнях Шувое и Нареево, жители которых находились в тесном общении с иноками. Число братии в Троицком Шувойском монастыре в лучшие времена достигало пятидесяти человек. [2] Возможно, что первые здешние иноки-старообрядцы происходили из столичных Богоявленского и Чудова монастырей, владения которых находились в этих краях. Иначе, как эти иноки могли выбрать именно Гуслицы и именно лес рядом с Шувое? Находившийся в московском Кремле мужской Чудов монастырь владел располагавшейся рядом с Гуслицкой Высоцкой волостью. Ее земли начинались уже за полями шувойских крестьян. В следующей главке, когда мы будем рассказывать про древний храм в селении Ащерино, увидим, что данный населенный пункт был владением московского мужского Богоявленского монастыря в Китай-городе. Таким образом, не принявшие никоновских новин члены братий этих обителей знали дорогу в этот край и, мало того, именно в этот уголок. Беженцев-иноков здесь наверняка уже ждали местные крестьяне-старообрядцы, которые готовили надежное убежище.

К сожалению, предания не донесли до нас имена основателя и первых обитателей Шувойского монастыря. Далее, по сведениям автора упомянутой статьи в календаре мы узнаем, что эти иноки привезли с собой из Москвы походную церковь, которую установили в новой деревянной монастырской моленной. Службы проводились ежедневно, по строгому монастырскому уставу. Литургия служилась редко, только в дни посещения обители каким-либо старообрядческим священником. До 1840-х гг., когда была создана старообрядческая Белокриницкая иерархия, таких священников было очень мало и посетить монастырь они находили возможность не так уж и часто. Все делалось с соблюдением строжайшей тайны, во

избежание обнаружения обители полицией и последующего разорения. Богослужебные книги и другие святыни по той же причине хранились по окрестным лесам, в специальной устроенных тайниках. [3]

Монахи оказали весьма значительное влияние на жителей округа и благодаря им крестьяне оставались верными старой вере, развивали иконопись и книжное дело. По словам одного из исследователей культуры Русского Старообрядчества, который участвовал в большом числе экспедиций в Гуслицы во второй половине XX века, Л. А. Игошева, в Шувое еще в XIX столетии существовала своя школа иконописания, сохранявшая редкий стиль XVII века. В других местах Гуслиц иконы писали уже по иному. Но до XX столетия писание икон в Шувое и окрестных деревнях, включая и Устьяново, не сохранилось.

В Центральном Историческом Архиве Москвы нам удалось обнаружить несколько дел, которые были посвящены обители в Шувойском лесу. Подробно о них рассказывается в книге об истории Шувойского прихода, вышедшей в 2010 году. [4] Вкратце можно сказать, что то время, когда эти дела рассматривались властными структурами, 1840-х и 1870-х гг., на месте прежде многолюдного монастыря было небольшое иноческое поселение, которое можно назвать не столько монастырем, сколько небольшим скитом. В кельях полиция находила всего трех (в начале 1840-х гг.) и пятерых (в 1870-х гг.) обитателей. Но при этом, особенно во втором случае, они происходили не только из Гуслиц, но и из других сравнительно далеких от края регионов. При этом на территории скитского поселения было относительно большое кладбище. [5]

Про старообрядческую обитель до сих пор хорошо помнят старожилы поселка Шувое (прежние деревни Шувое и Нареево). Некоторые из них рассказывают, как в детстве бывали в «Княжёво». В то время там проживали не только иноки-мужчины, но и инокини-женщины. Все обитатели обители были пожилого возраста и зачастую уходили в кельи на закате жизни, дабы замаливать и свои, и чужие грехи. При кельях было все то же старинное монашеское кладбище, пополнявшееся захоронениями новопреставленных

подвижников. Монахи очень доброжелательно относились к приходящим к ним селянам-старообрядцам. В соседних деревнях всегда говорили, что если заблудился в лесу – иди на монастырь, там всегда помогут. Жители соседних деревень поддерживали монахов всем необходимым, поочередно кормили их. Те же, в свою очередь, как и в прежнее время, играли важную духовную роль в этом гуслицком уголке. Они молились за живых и усопших жителей деревень, отчитывали, беседовали с селянами на духовные темы. Закрыт монастырь, вернее остававшийся от него скит, властями не был. Старообрядцы надежно скрывали факт его нахождения рядом со своими деревнями от начальства. Где-то во второй половине 1940-х гг., в результате смерти последних обитателей этого святого места, жизнь на нем прекратилась. На кладбище деревни Шувое сохраняется могила инокини схимницы Назареты. На кресте, кроме числа и месяца ее кончины, нет более никакой информации. Возможно, что это и есть последняя насельница скита, которая умерла уже в деревне, почему и была погребена не в «Княжёво». Не исключено, однако, что Назарета всегда жила не в обители, а в Шувое. Нынешние старожилы уже ничего рассказать по этому поводу не могут.

Шувойский Троицкий монастырь был одним из нескольких духовных центров, вокруг которых сформировалось староверие «Старообрядческой Палестины» – Гуслиц. Он фактически является старейшим из известных и, если верить версии о его основании в середине XVII века, то и старейшим. Другие монастыри появились уже значительно позже, во второй половине XVIII севернее, в районе деревни Беливо. Селение же Устьяново с самого начала гуслицкого староверия находилась в зоне влияния именно Шувойского монастыря. Согласно сведениям старообрядческого журнала «Церковь» начала XX века, Устьяновский приход являлся одним из выделившихся из прихода Шувойского, который возник под влиянием упомянутого монастыря.

По рассказам старожилов, рядом с самим селением Устьяново, вплоть до начала XX столетия находилось небольшое мужское иноческое поселение. Но это не был монастырь и здесь проживало всего несколько иноков-старообрядцев. Их кельи находились у реч-

ки, возле деревенского конца под Цаплино и Юрятино. Старожилы деревни Устьяново рассказывали, что в кельях всегда горел огонек. Возможно, что этот маленький скит возник благодаря Шувойскому монастырю и первые подвижники пришли из него. В другой части Гуслиц, в районе знаменитого селения Беливо, выходцы из крупных старообрядческих обителей основывали другие, дочерние монастыри. Точно так же могло произойти и здесь. Но более каких-либо подробностей о кельях возле Устьяново мы не знаем.

Однако, не взирая на весьма заметную роль Шувойской обители в становлении Устьяновского старообрядческого прихода, он имел и еще одну предысторию. Храмы-моленные в деревнях, которые непосредственно соседствовали с обителью – в Шувое и Нареево – истари имели с обителью одно посвящение во имя Живоначальной Троицы. Молитвенное же здание старообрядцев селения Устьяново всегда посвящалось Святителю Николе.

Древний Никольский храм в Ащерино

Все старообрядческие молитвенные здания в Устьяново истари были посвящены Святителю Николе. Никольскими также были и моленные в соседних деревнях Юрятино, Иванищево, Абрамовка. Но откуда здесь появилось это посвящение? В большинстве случаев было так, что старообрядцы посвящали свои моленные тому святому или празднику, которому был посвящен и древний дониконовский храм. Они как бы оспаривали у приверженцев официальной церкви право преемственности от древних престолов. Именно такой случай мы видим и в случае с Никольским посвящением в Устьяново.

В настоящее время в Гуслицах нет ни одного Никольского храма РПЦ. Однако в прошлом, в селении Ащерино, которое расположено недалеко от Устьяново, существовал древний храм во имя Святителя Николы. Вот что о нем писал в начале XX века священник го-

сподствующей церкви Н. Скворцов в своей книге «Уничтоженные в Богородском уезде церкви»:

«В Гуслицком приходе. В 4 верстах от церкви, есть селыцо Ащерино. Это – древнее село Ащерино-Захарьинское.

В 1492 году жена князя Ивана Васильевича с сыном своим Иваном Ивановичем отдала Богоявленскому монастырю село свое Захарьинское с лугами, и с лесами и со всеми угодьями, а дали то село по своем государе Иване Васильевиче и по своем сыне Михаиле Ивановиче. В 1512 году Василий Иоаннович несудимую грамотою утвердил за Богоявленским монастырем в Гуслице село Захарьинское. В 1565 году оно было размежевано с землями великого князя. В 1594 году дьяком Иваном Максимовым построена здесь деревянная церковь во имя Николая чудотворца. В 1678 году в Ощерине числилось семь дворов крестьянских и бобыльских. По досмотру 1680 года оказалось, что «церковь ветха, пона нет; у той церкви близ кладбища построено 7 дворов крестьянских, пашни паханные и сенных покосов и лесу в длину на полторы версты, поперек на версту, и смежна та земля с государевою дворцовою, да Чудова монастыря деревни Семеновской с землями, а от Москвы та земля в 70 верстах, едучи по Касимовской дороге с Москвы на левой стороне с версту, промеж речек Гуслицы и Десны; а поселенные крестьяне сказали, поселены де они на той церковной земле издавна, а оброк платят в Богоявленский монастырь по 10 р. на год; а вблизиности та церковь и земля к церкви Илии пророка, что на речке Околице, в Гуслицкой волости». В 1704 году церковь Николая чудотворца стояла «без пения»... Позднейших сведений об этой церкви нет. На месте храма в Ащерине стоит деревянная часовня с колокольнею. В часовне есть старинный иконостас с царскими вратами, также древняя, уважаемая и раскольниками, икона Николы чудотворца, которая слывет по всему местному округу под именем «Николы Ащеринского».

Земля церковная, по отобрании у монастырей вотчин, поступила, вероятно, в казну вместе с монастырскою.» [6]

Этот материал дублирует и глава об Ащерине в известном труде знаменитых церковных историков Холмогоровых, из которых можно добавить, что в 1678 году, в упомянутых семи крестьянских

и бобыльских дворах проживало 28 человек, а в 1704 году – 60 человек в 17 крестьянских дворах. [7] Разумеется, что это численность только населения собственно Ащерино, не включая приходских деревень, среди которых было и Устьяново.

Есть предположение, что Ащеринский приход был упразднен в результате того, что его причт и прихожане отказались принимать новины патриарха Никона. Местные священники могли, опасаясь репрессий со стороны никонианской духовной власти, уйти из Ащерино в другую населенную старообрядцами местность и храм остался «без пения». Иначе непонятно, почему в то время, как дробились приходы древних погостов на более мелкие приходы, один древний приход, объединявший ряд деревень, прекращает свое существование. И по времени это совпадает с формированием Гуслиц как старообрядческого региона. Следует заметить, что впоследствии никонианские власти хорошо поработали с жителями самого Ащерино и оно стало наверное единственным селением в Гуслицах, где проживали только приверженцы официальной церкви.

Старожилы Ащерино и соседних деревень еще в конце XX века сохраняли память о том, что Никольский храм был перенесен в Ильинский погост. Это косвенно подтверждают и Холмогоровы. По их сведениям, при древнем храме Илии Пророка на этом погосте существовал Никольский придел. Но в новом пятиглавом церковном здании, построенном к 1710 году, его уже не упоминается. Зато в 1710 году «Да на том же погосте другая церковь во имя чудотворца Николая об одной главе». Храм этот упомянут ветхим и в 1730 году вместо него строится новая Никольская церковь. [8] Оба деревянных здания простояли в Ильинском погосте до первой половины XIX века, когда, в 1820-х – 1840 году был построен нынешний огромный Воскресенский храм, в трапезной части которого в память о древних церквях были устроены Никольский и Ильинский приделы.

Но, как мы видим, в Ащерино и после переноса из селения древнего храма оставался и древний иконостас с Царскими вратами, и древняя чтимая всеми икона Святителя Николы. О судьбе этой святыни после разорения часовни безбожниками ничего не известно.

Как мы видим из вышеприведенных текстов, приход при Никольском храме в селе Захарьинском-Ащерине являлся одним из древнейших в Гуслицах. В 1492 году, когда его впервые упомянули в историческом документе, и село, и храм без которого населенный пункт не считался бы «селом», уже существовали. Стояли они к тому времени здесь несколько или несколько десятков лет, уже нам не скажет никто. В 1594 году дьяк Иван Максимов построил очередное церковное здание взамен обветшавшего или исчезнувшего по какой-то другой причине. Позже, после упразднения в Ащерине собственного прихода, ветхий храм перенесли в Ильинский погост.

В начале XX столетия часовню в Ащерино снова сделали церковью господствующего исповедания, но самостоятельного прихода здесь уже не было, здесь служили священники из Ильинского погоста. [9]

Фактически, единственным прямым продолжением истории древнего дониконовского храма является история прихода при старообрядческом храме-моленной в селении Устьяново. Старообрядческая святыня унаследовала и посвящение древней церкви, и возникла примерно в те же годы, когда прекратил свое существование ащеринский приход.

ГЛАВА 2.

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ХРАМА-МОЛЕННОЙ В УСТЬЯНОВО В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Устьяново – значимая в прошлом в Гуслицком крае старообрядческая деревня, располагавшаяся на юге края, рядом с селениями Гридино, Нареево, Шувое, Цаплино, Юрятино, Иванищево. К началу XX столетия здесь уже проживало небольшое число приверженцев господствующей церкви, которые являли собой прежних старообрядцев, в разное время и по разным причинам изменивших вере предков. Но эти люди не были заметны на фоне старообрядческого большинства жителей Устьяново.

Деревня Устьяново существует на своем месте уже несколько веков. Как мы уже говорили выше, в главе о Шувойском монастыре, история старообрядчества в Устьяново восходит к первому после-раскольному периоду истории этой деревни.

После разделения бывшей прежде единым владением волости Гуслица на более мелкие вотчины, деревня Устьяново оказалась во владении князя Петра Алексеевича Голицына. Новые гуслицкие помещики практически не жили в крае и управляли местными вотчинами, собирали оброк через «бургомистров» и управляющих. В связи с этим здешние крепостные крестьяне не терпели выходки самодуров-дворян и жили практически как государственные крестьяне. Это позитивно повлияло и на развитие края, духовную и экономическую инициативу обитателей которого никто не сдерживал.

В книге К. Нистрема «Указатель селений и жителей Московской губернии», вышедшей в 1852 году, дана численность населения деревни Устьяново: 88 дворов, 352 мужчины и 365 женщин. [10] Согласно информации из «Памятной книжки Московской губернии на 1899 год», в деревне Устьяново, Беззубовской волости Богородского уезда, проживало 918 человек. [11] Перед революцией 1917 года жители деревни Устьяново, как и обитатели многих других селений края, выращивали прекрасный гуслицкий хмель. Хмельники были за деревней, в сторону соседней деревни Иванищево. Урожай воз-

или в Ильинский погост, где ранее находилась контора, переименованная в советское время в «Росхмель». Помимо сельскохозяйственных занятий, устьяновцы работали на дому на фабриканта. Ходили работать на фабрику Муравлевых в соседнюю Абрамовку. В каждом доме были ткацкие станы, на которых выделывали сарпинку. Еще Нистрем упоминает, что в Устьяново были два небольших производства, которые принадлежали братьям купцам Павлу Леонтьеву и Трофиму Леонтьеву Медведевым, которые выделывали ткань, именовавшуюся нанкой. Согласно «Сборнику статистических сведений по Московской губернии...» 1883 года, в Устьяново было 146 домохозяев, 130 из которых на дому держали 260 станов, т. е. в среднем по два стана на «кустарную избу», выделывавших сарпинку. [12] Кроме того, жители Устьяново изготавливали чулки и носки.

Когда в селении Устьяново была построена первая общественная старообрядческая церковь-моленная, теперь уже выяснить не удастся. Судя по всему, в этом большом старообрядческом населенном пункте ее здание существовало с самого начала истории местного староверия. Самое первое обнаруженное нами упоминание о ней находим в «Ведомости о состоящих в Москве и ее губернии старообрядческих и раскольнических часовнях и молебнях...» составленная в 1826 году и хранящаяся в фонде Московского военного губернатора. Она показана существующей с давнего времени, устроенной самовольно и находящейся в прочном состоянии. [13] Здесь речь явно идет не о первой устьяновской моленной, а об очередном молитвенном здании. Каким оно было по счету, вторым, третьим или же десятым, так и останется тайной. Скорее всего, первое же здание моленной появилось еще в конце XVII века.

Изучать историю деревенских старообрядческих моленных в значительной степени затрудняет тот факт, что существовали они в лучшем случае на полулегальном положении. Старообрядцы старались сохранять в тайне какие-либо факты об их ремонте, перестройке или же строительстве новых зданий. Все это, согласно драконовским антистарообрядческим законам Российской Империи, действовавшим до конца XIX столетия, являлось «незаконным» и

строго преследовалось. За ремонт моленной можно было попасть под суд, при этом само «незаконно» отремонтированное здание подлежало сносу, а его убранство конфискации. На страницы архивных документов моленные попадали преимущественно в том случае, если о подобных ремонтах или перестройках становилось известно властям. Поэтому о старообрядческой моленной, которая находилась в деревне Устьяново, мы обнаружили очень мало данных касательно периода ее истории в XIX веке. Жители деревни хорошо прятали свою святыню от полиции и духовенства господствующего исповедания.

Далее мы встречаем упоминание о моленной в Устьяново только в 1850-х гг. В «Ведомости о раскольнических молитвенных зданиях находящихся в Московской губернии», составленной в 1853 году, мы видим и моленную в деревне Устьяново, существующую без престола. [14] В ряде других источников тех лет, к примеру, 1850, 1856 и 1860 гг., устьяновская моленная также упомянута в списках старообрядческих молитвенных зданий, также не имеющих престолов. [15] Возможно, что в 1826 и 1850–1860 гг. упоминаются разные устьяновские моленные, которые сменяли друг друга по мере износа или пожара прежнего здания. Жители деревни хорошо прятали от властей какие-либо подробности. Так что следующий раз о моленной мы узнаем только в 1890-х гг., через сорок лет после предыдущего упоминания о ней.

Как нам рассказывают документы за более поздний период, общественная моленная в деревне Устьяново сделалась жертвой пожара в 1892 году. [16] После этого какое-то время в селении не было, по крайней мере официально, подобного сооружения и местные старообрядцы молились по домам своих односельчан.

В 2001 году издатели прекрасного краеведческого альманаха «Богородский край» был опубликован весьма важный документ из фонда канцелярии московского гражданского губернатора. Это список старообрядческих моленных находящихся в Богородском уезде, составленный местным уездным исправником Гранским в 1898 году. В это время содержать молитвенное здание уже не было так опасно как это было несколькими десятилетиями ранее и дан-

ные сведения являются очень подробными. Но среди моленных мы не находим стоящей в Устьяново. [17] Чуть ниже мы увидим, что за два года до написания Гранским списка моленных, в Устьяново как минимум одна все же существовала. Но, видимо, в 1898 году либо она была закрыта властями как «незаконная» и ее уже просто не существовало, либо Гранский о ней просто не знал.

В документах Московской Духовной Консистории есть информация о том, что в 1896 году устьяновские старообрядцы совершали богомоление в доме крестьянина Павла Терентьева Ефимова, который «...имеет для них значение общественной моленной...» [18] Как мы увидим далее, в самом начале XX столетия место общественного богомоления старообрядцев селения Устьяново находилось при доме крестьянина Якова Григорьева Сорокина. Он же после 1906 года, когда на официальном уровне была устранена дискриминация русских старообрядцев, выступал как попечитель моленной и главный ходатай перед властными структурами о делах деревенского старообрядческого общества касающихся молитвенного здания и его прихода, как то: постройка деревянного и каменного храмов, колокольни, регистрация общины. Таким образом, возможно, что моленная при доме крестьянина Ефимова могла быть не единственной в Устьяново. Она просто могла единственной из существовавших попасть в поле зрения властей. Мы не знаем, какое семейство прежде было основным попечителем общественной моленной. Как правило, в Гуслицах молитвенные здания стояли позади крестьянских строений либо на общественной, либо на частной земле. Но даже в первом случае кто-то из селян был основным попечителем деревенской святыни. Возможно, что и предки Якова Сорокина заботились о молитвенном здании, однако не исключено, что ранее этим занимались другие устьяновские семьи.

Осенью 1901 года на имя министра внутренних дел подал прошение уполномоченный от общества крестьян-старообрядцев деревни Устьяново Иван Карпов, с просьбой разрешить его доверителям обратиться в моленную жилой дом упомянутого нами крестьянина Сорокина. В прошении указывалось, что прежняя моленная сгорела еще в 1892 году и просимое здание должно было восполнить

ее отсутствие. Как делалось обычно в таких случаях, дело было переадресовано московскому губернатору. Последний сделал запрос в главное ведомство по делам господствующего исповедания в губернии – Московскую Духовную Консисторию, которая должна была вынести свой вердикт: нужно или не нужно старообрядцам здание общественной моленной. Консистория поручила разобраться с делами старообрядцев деревни Устьяново и необходимости устройства в ней моленной местному благочинному, священнику церкви села Карпово о. Михаилу Розанову. Последний прибыл на место 14 января (по старому стилю) следующего 1902 года, где произвел осмотр здания, принадлежащего крестьянину Сорокину. Согласно протоколу осмотра, сооружение представляло собой деревянное здание, на каменном фундаменте, крытое железом. Его длина была 14 аршин, Ширина – 12 аршин, при нем были сени 4 на 8 аршин. Дом этот отстоял от черты крестьянских строений на 46 сажен. Этот факт сразу же позволяет заподозрить, что это сооружение строилось специально для устройства в нем моленной, так как из-за постоянной опасности обнаружения полицией и прочими властями, старообрядческие молитвенные здания в деревнях всегда прятали позади линии крестьянских домов. Мало того, о. розанов обнаружил, что внутри, на восточной стене уже висели иконы. [19]

Если бы указанное строение было бы новым, то бдительный священник господствующей церкви сразу бы это заметил. Следовательно дом на участке Сорокина был построен не в 1901 году, а как минимум на несколько лет ранее. Скорее всего, эта моленная была устроена сразу же после пожара предыдущей, еще в 1892 году. В рассматриваемое же время местное старообрядческое общество просто решило узаконить его существование. Возможно, в этой моленной служилась и литургия, но не стационарном престоле, а как это часто бывало у старообрядцев, в походной полотняной церкви, которую было очень легко прятать.

В документах Строительного Отделения Московского Губернского Правления за 1903 год сохранилось небольшое упоминание о направлении архитектора Поздеева в селение Устьяново для осви-

детельствования предполагаемого для обращения в моленную деревянного дома крестьянина Якова Григорьева Сорокина. [20]

Одним из важных вопросов, касающихся истории Устьяновского старообрядческого общества, является и тот, когда это селение стало центром отдельного старообрядческого прихода. В старину в Гуслицах было всего несколько старообрядческих приходов, которые объединяли многие десятки селений: Беливский, Поминовский, Слободищенский, Шувойский. В первой половине XIX века уже существовал самостоятельный приход в селении Чёлохово, в который входили и некоторые старообрядческие деревни соседнего Егорьевского уезда. Такое малое число приходов на огромное число прихожан объясняется прежде всего тем, что до возникновения в 1846 году старообрядческой Белокриницкой иерархии в России было очень немного священников-старообрядцев. Зачастую один пастырь окормлял несколько губерний. Старинных дониконовских престолов и освященных Антиминсов для них было также очень мало. А полноценный храм, в котором служит Божественная Литургия, без Антиминса немыслима. Поэтому до поры до времени открыть большое число приходских центров старообрядцы не могли. Однако, фактически старообрядческие общества, входившие в состав таких приходов, сами более напоминали приходские общины, которые жили своей автономной жизнью.

С появлением же Белокриницкой иерархии и восстановлением старообрядческого епископата была решена проблема старообрядческого священства: епископы теперь ставили нужное число священников для общин. Теперь можно было также освятить и необходимое для храмов число Антиминсов. Уже к началу XX столетия в Гуслицком крае и в соседних местностях число старообрядческих приходов было уже относительно большим. В это время самостоятельным приходом становится и селение Устьяново.

Прежде Устьяново входило в состав Шувойского старообрядческого прихода. [21] Жителей деревни окормляли шувойские священники. Старожилы сохранили память о том, что последним таким шувойским священником был отец Климент, а далее в Устьяново уже были свои пастыри.

Отец Климент (Климентий) Смирнов прослужил на Шувойском приходе четверть века. Он заступил на должность настоятеля сразу после смерти своего предшественника отца Симеона Смирнова в 1877 г. и умер в 1902 году. [22] Возможно, что Устьяновский приход стал самостоятельным вскоре после его смерти, возможно, что это произошло значительно ранее. Мы не знаем, кто был первым настоятелем Устьяновского прихода. В начале 1910-х гг., как мы увидим далее, здесь появляется священник о. Трифилий Емельянов, но у него в Устьяново явно были какие-то предшественники.

Через несколько лет после событий 1902 года в истории старообрядческой общины селения Устьяново, равно как и в истории всего русского старообрядчества, наступил новый период. Это было краткое время свобод, продолжавшееся всего двенадцать лет: с 1906 по 1917 год. Об этом периоде мы расскажем вам в следующей главе.

ГЛАВА 3.

НИКОЛЬСКИЙ СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ХРАМ В УСТЬЯНОВО И ЕГО ПРИХОД В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX СТОЛЕТИЯ

Храм во имя святителя Николы въ деревнѣ Устьяновой
Московской губ.

Рисунок будущего Никольского
каменного храма в Устьяново из
старообрядческого журнала «Церковь»

Начало XX столетия стало переломным этапом в истории старообрядчества России. Законодательные послабления стали появляться и ранее, но теперь были объявлены настоящие вероисповедные свободы. Напуганное ростом революционных настроений в российском обществе царское правительство стремилось успокоить народ, включая и многомиллионное старообрядчество. Старообрядцы до того момента являлись как бы находящимися вне закона. Теперь же положение

хранителей исконного Русского Православия стало полностью легальным. В 1905 году, в день Жен Мироносиц, были распечатаны алтари храмов Рогожского кладбища. А в следующем, 1906 году, были объявлены полные вероисповедные свободы. Старообрядцы теперь могли не довольствоваться прежними моленными, напоминавшими внешне более жилые или хозяйственные постройки, а строить полноценные церковные здания, с куполами, крестами и колокольнями.

Старообрядцы Устьяновского общества решили воспользоваться дарованными им царским правительством правами через два года после объявления вероисповедных свобод. В ноябре 1908 года они подали через уполномоченного Якова Григорьевича Сорокина прошение в

Московское Губернское Правление с просьбой разрешить произвести перестройку деревянного молитвенного храма. Фактически же старообрядцы собирались строить новый храм. Весь предреволюционный период истории Устьяновского старообрядческого прихода ему покровительствовала известная московская старообрядческая благотворительница Федосья (Феодосия) Ермиловна Морозова. Благодаря ей само общество несло минимальные затраты на строительство и благоустройство строящихся в селении храмов. Старожилы рассказывали, что Яков Сорокин сам лично ездил в Москву к Морозовой просить деньги на храм, и сам лично эти деньги привозил. Про то, что Сорокин должен вернуться из Москвы с огромной суммой денег предназначенных для строительства храмового здания, узнали разбойники. Они утром сделали налет на дом Якова Григорьевича думая, что он вернулся накануне вечером. Но, Промыслом Божиим Сорокин заночевал по дороге у одного из своих знакомых. К тому же односельчанами вовремя была поднята тревога и злоумышленники были вынуждены бежать, успев убить некоторых членов семьи Сорокиных.

В деле о рассмотрении этого прошения есть и документы о строительстве при новом деревянном храме и каменной колокольни. Проведение о ее возведении Сорокин подал чуть позже, в начале мая 1910 года. Проект храма и колокольни был выполнен известным старообрядческим архитектором начала XX века Николаем Григорьевичем Мартяновым, который спроектировал немало новых храмов. Впоследствии, через несколько лет, он также спроектировал и существующий ныне храм в Устьяново. Проект колокольни был утвержден Строительным Отделением Московского Губернского Правления 18 мая 1910 года. [23] Проект же самого храма утвердили годом ранее. [24]

Печать общины в Устьяново.

Начало XX века

В 1909 году устьяновское старообрядческое общество получило щедрый дар от известной московской старообрядческой благотворительницы Федосьи Ермиловны Морозовой. Она пожертвовала 14000 рублей на «вечное» обеспечение при храме селения Устьяново старообрядческого священника. Проценты с этого, огромного по тем временам капитала, в размере 25 рублей в месяц, должны были идти священнику, а 60 рублей в год – уставщику, служившим при Никольском храме-моленной. Остальные проценты с капитала должны были регулярно поступать на ремонт самого храма, который также был выстроен на пожертвования Ф. Е. Морозовой. Отмечалось, что сами устьяновские старообрядцы в то время никак не могли остановить свой выбор на каком-либо лице достойном священного сана, который служил бы в их моленной. [25] Несколько позже в качестве настоятеля Никольского старообрядческого храма в Устьяново начинает фигурировать священник Трифилий Емельянов.

К лету 1910 года все необходимое к сооружению при деревянном устьяновском храме-моленной каменной колокольни было готово. 20 июня (по старому стилю) было совершено торжество ее закладки. На данном мероприятии присутствовали четыре священника (в заметке старообрядческого журнала «Церковь», повествующей об этом событии они не перечислены по именам и местам служения), диакон о. Иоанн Хрусталеv с Рогожского кладбища и двое стихарных.

Накануне в Никольском храме было отслужено Всенощное бдение. На утро, по окончании Божественной Литургии, на место закладки вышел крестный ход и по прибытии его на место был отслужен молебен с водоосвящением. По окончании молебна и по окроплении места святой водой, было совершена сама закладка. Затем. Диакон Хрусталеvым было провозглашено многолетие старообрядческому архиепископу Иоанну, Царствующему Дому, храмоздательнице Федосье Ермиловне Морозовой, на средства которой колокольня сооружалась, а также строителям храма. После окончания молебна и закладки крестный ход возвратился обратно в храм. Во время богослужений и торжества пели два хора из Москвы: из храмов Рогожского кладбища и Успенского храма на Апухтинке.

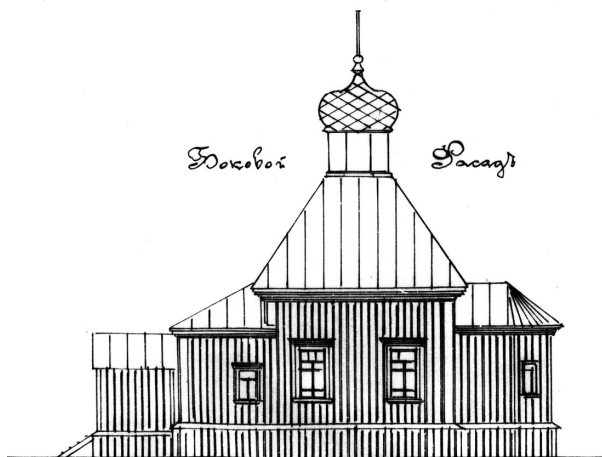
После окончания торжества, в доме одного из главных строителей Устьяновского храма Якова Григорьевича Сорокина всем участникам была предложена трапеза. Анонимный автор заметки отмечает, что во время закладки присутствовало большое число народа, включая и последователей господствующей церкви. Последние были проникнуты красотой старообрядческого богослужения и прекрасным стройным исполнением старообрядческого пения. [26]

Работы были произведены очень быстро. Уже 20 сентября того же 1910 года богородский уездный исправник докладывал в Строительное Отделение Московского Губернского Правления, что все работы по сооружению колокольни при старообрядческом храме в селении Устьяново были закончены. [27]

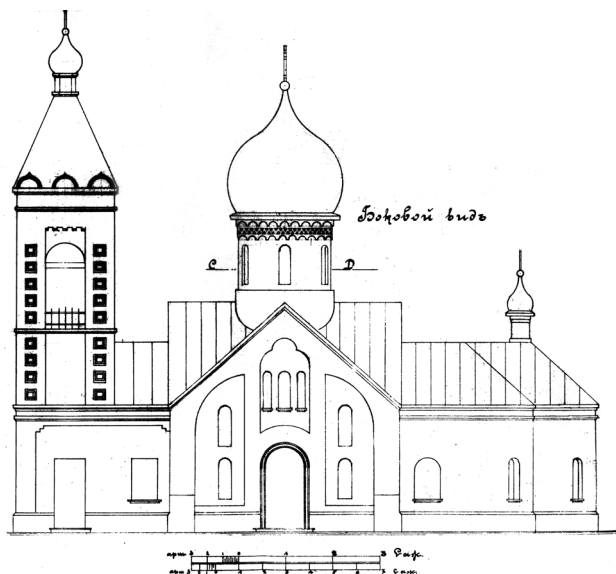
Вскоре, в сентябре следующего 1911 года состоялось и полное освящение деревянного храма во имя Святителя Николы. Согласно данным журнала «Церковь», оно состоялось 18 сентября (по старому стилю) 1911 года. Его совершил старообрядческие епископы Александр Рязанский и Егорьевский, а также Одесский и Измаильский Кирилл, находившийся в то время на своей родине – в гуслицком селении Мисцево. Им сослужили четыре священника, включая и местного устьяновского о. Трифилия Емельянова. В торжестве, как и во время закладки колокольни, принимали участие два московских хора – Рогожский и Апухтинский – *«На освящение храма были приглашены из г. Москвы два хора: один с Рогожского кладбища, другой из храма Успения Пресвятыя Богородицы, что на Апухтинке. Пели они на оба лика. Нужно отдать хорам заслуженную честь. Стройное, красивое пение их придавало служению особую торжественность. И в личных отношениях между собою певцы показали пример христианской любви и братского уважения»*

По окончании торжества его участники направили верноподданническую телеграмму на имя Императора. На нее вскоре последовал ответ через московского губернатора и богородского уездного исправника:

«Государь Император на всеподданнейшем докладе председателя совета министров о выражении всеподданнейших чувств старообрядческими епископами Александром и Кириллом, старо-

Проект деревянного храма в Устьюново 1908 года
(ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 162. Д. 130. Л. 5)

Проект деревянного храма в Устьюново 1908 года
(ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 168. Д. 68. Л. 17)

обрядческим священником Трифилием и попечителем Яковом Сорокиным, по случаю освящения старообрядческого храма, во имя святителя и чудотворца Николы, что при деревне Устьяновой, Московской губернии, 23-го сентября сего года собственноручно начертать изволил: «Искренне всех благодарю». О таковой «Высочайшей милости» предложено вашему сиятельству объявить по принадлежности» [28]

Судя по всему, до освящения нового деревянного храма в Устьяново продолжала существовать прежняя моленная. Именно из нее выходил крестный ход на закладку каменной колокольни и именно в ней происходили все устьяновские события до сентября 1911 года. Моленная эта находилась рядом с сооружаемым новым храмом. В самой деревне, когда я бывал в Устьяново, мне показывали старинное двухэтажное каменное здание, которое находится перед храмом, между ним и основной сельской улицей. Некоторые бабушки-старообрядки упоминали, что в этом здании тоже когда-то была моленная. Здание это находится на прежнем участке Сорокиных и нахождение здесь молитвенного помещения вполне вероятно.

Однако, новый деревянный храм удовлетворял прихожан Устьяновского прихода очень недолго. Уже через три года, также на крупное пожертвование Федосьи Ермиловны Морозовой, они собрались строить каменную церковную постройку.

Многие старообрядческие общества не сразу пошли на регистрацию. Старообрядцы прихода храма Николы в Устьяново решили зарегистрировать общину только в 1914 году. В Центральном Историческом Архиве Москвы сохранилось небольшое дело о регистрации «Устьяновской старообрядческой общины имени Святителя Николы». От имени местного общества в Московское Губернское Правление прошение о регистрации и внесении в соответствующий реестр подавал уполномоченный, крестьянин деревни Устьяново уже хорошо знакомый нам Яков Григорьевич Сорокин. Всего прошение, составленное 9 апреля 1914 года подписали 59 человек. [29] К прошению также были приложены протокол схода 110 устьяновских домохозяев и чертежи предполагаемого нового каменного храма.

Община была зарегистрирована и внесена в реестр Московским Губернским Правлением журнальным определением от 26 апреля 1914 года. [30]

18 мая того же года зарегистрированная Устьяновская старообрядческая община собралась на свое первое общее собрание. Мы приведем полностью текст его протокола.

«ЗАПИСЬ

Суждений и постановлений 1-го общего (учредительного) собрания Устьяновской Старообрядческой имени Святителя Николы Общины, что в дер. Устьяново, Богородского уез. Моск. губ., 18 мая 1914 года.

На собрание, из 59 лиц подписавших заявление об открытии общины, явилось 26 челов. Подписавшихся о своем присутствии на особом листе. В виду такой наличности явившихся на собрание, собрание считается состоявшимся законно.

Оглашается содержание журнала Московского Губернского Правления от 26 апреля 1914 года о постановлении разрешить основать общину в дер. Устьяновой под именем «Старообрядческая Устьяновская Община имени Святителя Николы», а кратко: «Устьяновская Никольская Старообрядческая Община».

1., Вследствие сего предлагается избрать председателя и настоящее учредительное собрание.

Таковым единогласно избирается Макар Поликарпов Бояров.

2., Председатель, занимая председательское место, предлагает избрать Совет для управления Общиною.

По обсуждении сего вопроса постановляется: Членов должно быть 8 и 9 священник. Избираются на три года. Единогласно в члены Совета избираются: 1. Яков Григорьев Сорокин, 2. Макар Поликарпов Бояров, 3. Исаак Осипов Черкунов, 4. Ефим Пименов Хрусталеv, 5. Авелий Ермилов Цулев, 6. Матвей Савельев Шаров, 7. Абрам Павлов Волков, 8. Тит Васильев Перваков. Священник входит в члены Совета по закону.

3., Предлагается избрать поверочную комиссию:

Избираются: Максим Александров Кашкин, Семен Семенович Киселев и Исаак Иванов Маланьин.

4., Священником (настоятелем) избирается единогласно крестьянин дер. Глазовой Серпуховского уез. Моск. губ., рукоположен-

ный во священника Московским Старообрядческим Архиепископом Иоанном 8 августа 1913 года, Иаков Архипов Баранов.

5., Возраст для права решающего голоса определяется двадцать пять лет (для общих собраний).

6., Женщины в общем собрании права голоса не имеют.

7., Имущество на случай закрытия общины определено передать в заведывание Общины Старообрядческой св. Великомученика Георгия, что в г. Егорьевске Ряз. Губ.

8., Решено единогласно выстроить новый каменный храм на месте старого храма для чего старый храм сломать. Постройка и все нужные ходатайства по сему предмету возлагаются на совет общины.

9., Яков Григорьев Сорокин желает всю землю принадлежащую ему и находящуюся под старым храмом, под училищем и под домом священника передать в общину.

Собрание это предложение принимает и приносит благодарность Я. Гр. Сорокину.

10., Единогласно постановляется принять в число членов Общины св. о. Иакова Архипова Баранова и крест. дер. Иванищево: Михаила Максимова Коблова, Степана Семенова Тихонова и Федора Казмина Лобастова.

11., По предложению Ефима Пименова Хрусталева единогласно избираются в число почетных членов общины: Архиепископ Московский Старообрядческий Иоанн, Епископ Рязанский Александр, Почетная гражданка Феодосия Ермильевна Морозова, Московский купец на должности Судебного Пристава, Иван Дмитриевич Бочаров и кр. Московск. губ. Никифор Димитриев Зенин.

12., Для оформления дела по приему земли поручается Совету Общины уполномочить из своей среды потребное число лиц по своему усмотрению.

13., Постановлено просить жертвовательницу Феодосию Ермильевну Морозову капитал в четырнадцать тысяч рублей внесенный ею на имя Московской Общины Рогожского храма в Государственный банк для нужд Устьяновского прихода в виду учреждения общины передать в Егорьевское Уездное Казначейство на хранение от имени Устьяновской Старообрядческой Св. Николы общины.

*За исчерпанностью вопросов собрание объявляется закрытым.
Подлинную подписали:*

Председатель Собрания Макар Поликарпов Бояров

*Члены Собрания: Я. Сорокин, И. Чиркунов, Е. Хрусталев, С. Цулев,
М. Шаров, А. Волков, Л. Гусев, Т. Перваков, В. Нешин,
А. Селин, А. Маслов, П. Фадеев, И. Маланьин, М. Нешин.*

*За неграмотных: Иван Максимов, Карев, Григорий Кочкин, Иван
Кочкин, Тимофей Нешин, Петр Володин, Федул Просинин, Гавриил
Трофимов, Родион Залочин, Кондратий Исаков, Расписывался Иван
Макаров Бояров. [31]*

Относительно священника Никольского храма, отца Иакова (Якова) Архиповича Баранова, следует дополнить, что в Устьянове он служил с 1 октября 1913 года. К 14 августа 1914 года он, по непонятной причине, все еще не прошел регистрацию. [32] О нем также известно, что родился в 1880 году в старообрядческом селении Глазово Серпуховского уезда. В священный сан его рукополагал сам архиепископ Иоанн (Картушин) специально к Никольскому храму в Устьяново. [33] Служил здесь он, по всей видимости до 1926 года, когда сюда был переведен местный уроженец о. Федор Грунин, о котором мы поговорим чуть ниже. [34]

В Центральном Историческом Архиве Москвы сохранилось дело Московского Губернского Правления, которое рассматривалось по ходатайству Устьяновской старообрядческой общины о разрешении строительства нового каменного храма. Общество подало прошение, опять же через своего неутомимого уполномоченного представителя Якова Григорьевича Сорокина. Старообрядцы желали «деревянные части храма заменить каменными». К прошению прилагались чертежи, выполненные архитектором Н.Г. Мартыновым. В деле также есть и приговор схода домохозяев-старообрядцев, состоявшегося в декабре 1914 года, которым Сорокину давались вышеупомянутые полномочия.

Проект был рассмотрен и утвержден протоколом совещательного присутствия Строительного Отделения Московского Губернского Правления за № 371 от 23 июня (по старому стилю) 1914 года. [35]

Закладка каменного храма состоялась 13 июля (по старому стилю) 1914 года. На торжество прибыл архиепископ Московский Иоанн вместе с епископом Одесским Кириллом, несколькими священниками и диаконом И. Хрустальевым. Вместе с духовенством в Устьяново прибыли и два хора. Это все те же певчие из храмов Рогожского кладбища и Успения на Апухтинке. При многочисленном стечении прихожан, под специально установленным шатром была отслужена Литургия, по ее окончании – молебен. Уже после него и было приступлено к закладке храма. Первый камень в основании старообрядческой церкви Николы в Устьяново заложил сам архиепископ Иоанн, второй – епископ Кирилл. Далее, по очередности, камни закладывали: настоятель храма отец Иаков Баранов, почетный член Совета общины Иван Дмитриевич Бочаров, архитектор храма Н. Г. Мартьянов, Яков Григорьевич Сорокин и другие лица. По окончании закладки о. диаконом И. Хрустальевым были провозглашены все положенные многолетия, после которых архиепископ Иоанн с епископом Кириллом и духовенством, при пении духовных стихов, проследовали в дом Я. Г. Сорокина, где участникам торжества была предложена трапеза. [36]

Интересно, но в сведениях о пожертвованиях поступивших на старообрядческие общины Московской губернии в 1914–1915 гг., относительно Устьяновского общества показано, что в этот период на него никаких пожертвований не поступало. [37] Это кажется весьма странным, поскольку в данный период происходило строительство и обустройство нового каменного храма. Возможно, что средства поступали в обход официальных отчетов и чиновники Московского Губернского Правления о них ничего не знали.

Просматривая старообрядческую периодику за 1914–1918 гг., а именно журналы «Церковь», «Слово Церкви», «Голос Церкви» и «Старообрядческая мысль», мы не нашли информации и том, когда же Никольский храм был достроен и освящен. Ответ на этот вопрос нам дала регистрационная карточка на храм, которая была составлена уже в 1940–1960-х гг. Согласно ней, годом построения Устьяновской церкви является 1917-й. [38] Получается, что храм строился и подготавливался к служению целых три года, что не яв-

ляется странным, учитывая объем производимых работ и то, что в эти годы шла Первая Мировая война.

В 2003 году мне на глаза попал интересный документ: «Подписной лист добровольных ежемесячных взносов духовенства и мирян старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию на нужды Архиепископии по управлению Московской епархии на время с

Храм Николы в Устьяново.

Фото 1980-х гг. Из архива Михаила Рыбина. Взято со страницы вконтакте

1 июня 1928 г. по 1-е июня 1929 г.». В этом документе конечно же фигурирует и Устьяновский приход, входящий в Гуслицкое благочиние. Здесь священствовал упомянутый нами выше отец Федор Грунин.

Служивший при Никольском старообрядческом храме в Устьяново в 1990-х гг. уставщиком Александр Владимирович Панкратов, ныне священноиерей Александр, настоятель старообрядческого храма в г. Великом Новгороде, посвятил этой святыне небольшое исследование. Оно вошло в вышедший в 2000 году сборник статей

этого автора «От востока направо». Панкратов считает Устьяновский храм весьма интересным архитектурным памятником, который он именует не иначе, как «храм-музей». Будучи выпускником Российского Государственного Гуманитарного Университета, автор дает прекрасное профессиональное искусствоведческое описание церкви. Данное творение известного старообрядческого архитектора Н. Г. Мартыанова стоит в одном ряду с другими творениями как этого зодчего, так и других создателей старообрядческих молит-

венных зданий начала XX века, которые были построены в Москве, Московской губернии и других уголках России. Но, в силу чего Панкратов определил Николу в Устьянове «храмом-музеем», последний одним из очень немногих сумел сохранить первоначальный не только внешний, но и внутренний стиль.

«...устьяновская колокольня украшена ордерными карнизами, ее общая форма, особенно в верхнем ярусе, который имеет форму четверика со скошенными угловыми плоскостями, весьма характерна для эклектики второй половины прошлого века. Собственно же храм, возведенный как уже говорилось позднее, в большей степени соответствует древним формам. За основу здесь взят типичный псковско-новгородский храм XIV – XV веков – одноглавый, с восьмискатным покрытием «на четыре лица» и декорацией фасадов в виде лопаток, образующих три вертикально вытянутых углубления, которые венчаются по бокам полуарочными формами, а в центре – трехлопастной фигурой. Ордерные украшения здесь крайне скромны: это лишь неширокие ступенчатые карнизы под свесами кровли, а также лепные обрамления оконных проемов. Крупный по размеру трехапсидный алтарь храма в элементах декора вновь обнаруживает черты эклектики. Так, киот в центре карниза главной апсиды почти повторяет аналогичное украшение на западном фасаде колокольни, над входом в церковь.

Таким образом, данный храм является оригинальной, интересной постройкой, во-первых, благодаря своей строительной истории, а во-вторых, потому что представляет собой вариацию на древнерусские темы архитектора-старообрядца, прошедшего светскую профессиональную подготовку. Стиль здания можно определить как эклектичный: налицо смешение ордерных и древнерусских форм с преобладанием последних...» [39]

К сожалению, в новейшее время храм Николы в Устьянове неоднократно подвергался набегам святотатцев, которые похищали старинные иконы. В силу этого интерьер храма уже являет собой далеко не тот вид, который был изначально.

В самых последних клировых ведомостях церковей господствующего исповедания, составленных уже в 1920 году, мы видим, что в деревне Устьяново, входящей в состав прихода официальной цер-

кви села Гридино, старообрядцев 88 дворов, в которых проживало 221 мужчина и 258 женщин. [40] Скорее всего, примерно такая же картина сохранялась и все 1920-е и первую половину 1930-х гг., пока храм функционировал.

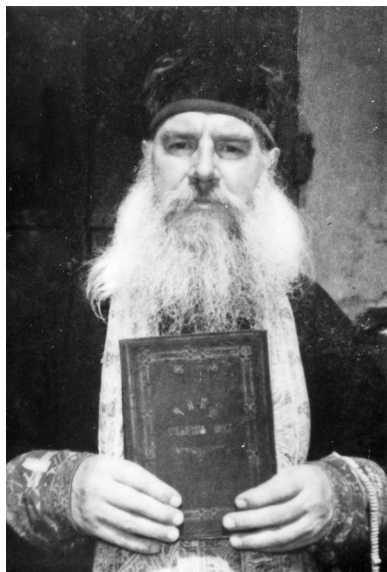
Как мы уже упомянули выше, в 1926 году в Устьяново, в местный старообрядческий храм был переведен священник Федор Александрович Грунин. Он родился в Устьяново 21 мая 1888 года. Какое-то время проживал в Москве, где пел в хоре, в храмах Рогожского кладбища. Здесь он обратил на себя внимание как прекрасный знаток службы и 28 декабря 1920 года епископ Донской Геронтий (Лакомкин) рукоположил его во священники к Никольскому храму хутора Горина станицы Пятиизбянской Области Войска Донского. В 1922 году отца Федора перевели поближе к родине, в храм во имя Димитрия Солунского селения Кельч-Острог, Волоколамского уезда Московской губернии. В 1926 году он был направлен для служения в родную деревню Устьяново. Здесь ему довелось немало претерпеть от распоясавшихся безбожников, решивших задавить священника непомерными налогами. Отец Федор Грунин в 1930-х гг. арестовывался дважды. Первый раз его недолго продержали в тюрьме, просто напугали. Но выгнали из дома семью священника и отняли имущество. Во второй раз его уже осудили на десять лет лагерей по знаменитой 58-й «политической» статье. Из заключения он более уже не возвращался и погиб в лагерях где-то на Дальнем Востоке. [41]

Относительно повезло попечителю Устьяновского старообрядческого храма Якову Григорьевичу Сорокину. Он смог пережить и революцию, и коллективизацию и начало дикой борьбы с верой и умер в Устьяново своей смертью в 1930-х гг. Его могила сохранялась на деревенском кладбище.

После отца Федора, последним устьяновским священником, кормившим общину Никольского храма до его временного закрытия, был отец Василий Кузнецов, который пришел в этот приход из соседней Абрамовки. Точную дату начала его служения здесь мы выяснить к сожалению не смогли, но в 1931 году, когда в церкви крестили будущего отца Сергия Марутина, он уже был на Устьяновском приходе. Через пять лет его арестовали. Рассказывают, что за ним

приехали и увезли его поздно вечером в конце лета 1936-го (по другим сведениям – 1937-го) года и более в Устьяново он не возвращался.

В отличие от большинства других моленных Гуслиц, о закрытии которых мы можем найти упоминания в архивах, храм в Устьяново официально своей деятельности не прекращал. Согласно сведениям уполномоченного Совета по делам культов по Москве и Московской области, датированным серединой 1940-х гг., хотя с 1936 года церковь не функционировала, никаких постановлений советских властей о ее изъятии у верующих старообрядцев не было. [42] По всей видимо-

Отец Сергей Маругин

сти, ее закрыли по собственному почину местные власти, в обход всех принятых процедур Президиума Исполкома Мособлсовета. До 1945 года в здании Никольской церкви веяли рожь и гречиху. В интерьере сохранялись почти все иконы и другие предметы интерьера. Рассказывают, что местный председатель начал рубить иконы топором. После этого он целых двенадцать лет лежал парализованным.

После закрытия Никольского старообрядческого храма в Устьяново, его прихожане ходили в остававшиеся открытыми еще несколько лет Троицкие храмы соседних деревень Шувое и Нареево. Когда же власти в 1940–1941 гг. закрыли и их, богомоления тайно совершались по домам верующих.

Так или иначе, Никольский храм в Устьяново возродился самым первым из тех, что открыли в Гуслицах с середины 1940-х гг. В сведениях о старообрядческих молитвенных зданиях по Московской области по состоянию на 1 июля 1945 года, храм в селении Устьяново, которое административно находилось в составе Куровского района, уже обозначен действующим. [43]

ГЛАВА 4.

ИСТОРИЯ УСТЬЯНОВСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПРИХОДА В 1940-х – 2000-х ГОДАХ

В годы Великой Отечественной войны безбожное правительство Советского Союза было напугано свалившейся бедой. Поскольку очень многие восприняли тяжелейшие испытания выпавшие на долю страны, как кару за поругание храмов, аресты и расстрелы духовенства и верующих, уничтожение икон... В 1940-х гг. наступил период некоторого послабления верующим согражданам. Были открыты некоторые из поруганных в 1930-х гг. храмов. В Гуслицах в это время снова разрешили молиться в старообрядческих храмах в Слободищах, Шувое (Нареево), Загряжской. Рядом с Гуслицами снова открылись моленных в Губино, Андронове, был передан старообрядцам храм в Алешино. Тогда же появилась возможность снова возродить богомоление в Никольском храме в Устьяново. Местные старообрядцы подали прошение об открытии храма в начале 1945 года и уже 28 марта оно было удовлетворено. Согласно официальным данным, в 1946 году в Устьяновский приход входило от 1500 до 2400 старообрядцев. [44]

Первое время старообрядцы-гусляки пытались наладить духовную жизнь, подобную той, что была у них до безбожного разорения. В том же 1946 году устьяновские прихожане нашли возможность принять в своем храме для проведения молебна чтимую Казанскую Губинскую икону Пресвятыя Богородицы. [45] Прежде, до прихода к власти безбожников, этот чудотворный образ регулярно носили по гуслицким селениям. Но после 1946 года власти пресекали попытки возродить эту старинную традицию.

Икона Казанской Губинской Пресвятыя Богородицы до сих пор находится в старообрядческом храме селения Губино (в прошлом – Губинская) Орехово-Зуевского района Подмосковья. Ранее это селение входило в состав Покровского уезда Владимирской губернии и было частью старинной старообрядческой местности «Патриаршина». О ее явлении существует следующее предание.

В начале XVIII века свирепствовала страшная моровая язва и ее конца не предвещало ничто. Эпидемия уже унесла много жизней и каждый день умирали новые ее жертвы. Старообрядческое население деревни Губинская, которое также сильно страдало от болезни, решило сикать помощи свыше и написать образ Казанской Богородицы. С этой целью жители деревни выбрали из своей среды двоих ходоков, которые были командированы в соседние Гуслицы, славившиеся своими иконописцами. По дороге ходоки встретили человека, назвавшегося иконописцем. Он, расспросив губинцев откуда и зачем они идут, взялся сам написать просимый образ и принести в Губинскую. Ходоки возвратились в свою деревню и рассказали землякам о встрече. Прошло довольно много времени, но иконописец с иконой так и не появлялся. Народ стал роптать на ходоков и они отправились в сторону Гуслиц, искать своего нового знакомого. В случае неудачи в его поисках уполномоченные от общества уже подумывали о заказе и другого мастера. Но на том же месте им встретился все тот же человек, который передал им написанную икону Казанской Богородицы. С губинцев за работу он не взял ничего. Так, никто даже не узнал ни имени таинственного иконописца, ни откуда он был родом.

Ходоки же вернулись с иконой в Губинскую. Она была, как и полагается, была поставлена в местном старообрядческом храме-моленной, где она пребывала до пожара 1847 года.

Известной Казанская Губинская икона стала по следующему случаю. В Гуслицах разыгралась очередная эпидемия холеры. Год этого события народная память не сохранила. Эпидемия угрожала и большой гуслицкой деревне Слободищи. Жившей в ней глухонемой девушке во сне явился некий таинственный старец, который сказал ей, что дабы спасти деревню и ее жителей от смертельной опасности, грозившей от болезни, надо идти в деревню Губинская, взять из местного храма икону Казанской Богородицы и, принеся в Слободищи, помолиться перед ней. Уста девушки чудесным образом заговорили и она поведала своему отцу о ночном явлении. Отец сразу же рассказал обо всем остальным жителям деревни. Они направили в Губинскую посыльных, которые выпросили на время из

моленной икону и привезли ее в Слободищи. Когда, по прибытию иконы в эту деревню, перед ней начали служить молебны, вокруг поднялся страшный шум и вихрь. Все заболевшие жители деревни остались живы и холера более никого в Слободищах не коснулась.

После этого Казанская Губинская икона стала очень почитаемой в Гуслицах и окрестных местностях. Она большую часть года находилась вне храма и путешествовала по старообрядческим храмам. Ежегодно ее носили по селениям Гуслиц и регулярно она бывала в Устьяново, 9 июля ежегодно, и перед ней служились молебны. [46]

Почитание Казанской Губинской иконы Пресвятыя Богородицы в Устьяново перекликается с почитанием Богородичной Тихвинской иконы. День ее празднования в деревне считается «обреченным» днем. В 1920-х гг. в Устьяново случился сильнейший пожар, который мог уничтожить всю деревню. Жители, дабы избавиться от беды, «обреклись» молиться Тихвинской иконе, после чего пожар прекратился.

Рядом с деревней находился Святой родник, к которому регулярно, на Тихвинскую, ходили с иконами.

Первым священником возрожденного Никольского Устьяновского храма стал о. Глеб Иванович Власов, 1887 года рождения. В бумагах уполномоченного значится, что в 1913–1915 гг. он служил диаконом (где – не указано), а с 1915 года – священником. В 1933 году отец Глеб был осужден на пять лет по «знаменитой» «политической» 58-й статье. «Знает плотничье ремесло. Непосредственно участвовал в ремонте молитвенного здания в 1945 г., конечно за плату.» [47]

В первые два года следовавшие за возрождением Устьяновского храма, в 1945–1946 гг., согласно официальным документам его посещало: 50–60 человек по воскресным дням, до 150 человек по двенадцатым праздникам и до 200 человек по «большим» праздникам. За 1947 год власти заметили снижаемость посещения храма прихожанами до 30–40 человек зимой и 15–20 человек летом по воскресным дням. [48] Видимо многие старообрядцы, помнившие репрессии 1930-х гг. еще не преодолели страх и недоверие перед коммунистической властью и предпочитали молиться по домам.

В одном из отчетов уполномоченного Совета по делам культов, про прихожан Никольского старообрядческого храма в Устьяново дана следующая информация: *«Про население же дер. Устьяново говорят, что вместо того, чтобы идти на работу в колхоз, жители ссылаются на наличие того или иного праздника. Однако снижение посещаемости молитвенного здания за последний год заставляет искать причину плохого отношения к работе в колхозе в другом. Может быть материальная выгода заставляет некоторых предпочитать колхозной работе другие занятия. Здесь, в прошлом, благодаря наличию большого количества кустарей-трикотажников, все поезда бывало встречались продавцами чулок, перчаток и т. п. »* [49] Видимо, власти были озабочены заслуженным отношением селян к колхозу и пытались найти ему любое обоснование. Здесь, по их мнению, были виноваты и церковь, и кустари.

В официальных сведениях за 1948 год, в самой деревне Устьяново было до 200 человек верующих-старообрядцев. Остальные прихожане из местного 2000-го прихода проживали в соседних деревнях Иванищево, Абрамовка, Юратино, Цаплино и др.

В сентябре 1949 года к уполномоченному обратились старообрядцы входивших в Устьяновский приход деревень Барышёво, Мосягино, Чичёво, с просьбой разрешить им посещать не Устьяновский, а Алёшинский храм. Они мотивировали свою просьбу тем, что в Алёшино им гораздо ближе и удобнее ходить. [50]

О жизни старообрядческого религиозного общества в деревне Устьяново мы узнаем из документов фонда уполномоченного Совета по делам культов по Москве и Московской области. В отчете уполномоченного за 1-й квартал 1951 года о деятельности Устьяновского общества старообрядцев Белокрыницкого согласия мы узнаем следующее:

«Количество верующих, обслуживаемых молитвенных зданием 1500 человек.

Посещаемость за полугодие в большие праздники была такой: на Рождество 250 чел. Крещение 300 чел., Пасха 350 чел., Троица 200 чел. В другие двенадцатые праздники от 100 до 200 чел. По воскресным дням 50–60 чел. Первые годы по открытии церкви по-

посещаемость была выше, за 1948–1950 гг. она снизилась. Напр., по двенадцатым праздникам число молящихся было 80–100 чел., а по воскресным дням 30–40 чел. Посещаемость за 1951 г. отмечена при другом священнике.

Количество обрядов за полугодие:

Крещений 30, браков 10, похорон 9. Число исповедников около 100. Сведения о количестве обрядов за предыдущие годы были значительно преуменьшены, почему и не приводятся здесь. [51]

Далее, в том же деле дан и другой отчет за 1951 год, только уже за его 2-е полугодие. Здесь мы видим следующее:

«Количество верующих, обслуживаемых молитвенным зданием, 1000 человек.

Посещаемость за 2-е полугодие по праздникам: Преображение – 180 чел., Успенье – 90 чел., Рождество Богородицы – 80 чел., Воздвижение – 75 чел., Покров – 70 чел., Никола – 110 чел. В воскресные дни в летние месяцы бывало в церкви по 30–40 чел., зимой – 50–60. Мужчины составляли около 20%. По возрасту молодежи до 25 лет вместе с детьми бывало около 15%, 25–40 л. также до 15%.

Количество выполненных обрядов за 2-е полугодие:

Крещений – 33

Браков – 9

Похорон – 11

За весь 1951-й год было совершено:

Крещений – 63

Браков – 19

Похорон – 20

Исповедников в Успеньев пост не было. [52]

Однако, не будем забывать, что официальные цифры – это лишь надводная часть айсберга. Старообрядцы не особенно стремились к совершению треб легально. Многие, особенно члены семей членов партии, комсомола и т. п., старались договориться со священником и сделать все необходимое тайком и множество таких треб прошло мимо отчетности. Слабая посещаемость храма по сравнению с общей численностью прихожан объясняется тем, что согласно с той же старообрядческой спецификой, в деревнях молились по до-

мам, под началом своих уставщиков и начетчиков. В приходской же храм обращались к священнику в определенных ситуациях, как-то: крещение ребенка, венчание молодых, погребение усопшего. В последнем случае священник давал разрешительную молитву, а все остальное совершали деревенские уставщики, «читалки» и другие доверенные лица, которые имелись в каждом гуслицком селении. Они же руководили похоронами, поминками, панихидами. Большинство исповедников, особенно упомянутые выше категории, также не вносились в какие-либо ведомости. Поэтому к отчетам и прочим бумагам уполномоченного нельзя относиться как к документам, которые отражают полную картину того, что являл собой Устьяновский приход и того, что в нем происходило.

В документах фонда уполномоченного мы встречаем отчетность и за другие годы. Вот какая картина, также согласно официальным бумагам, наблюдалась в Устьяновском приходе в следующем десятилетии, в 1963 и 1964 гг. относительно треб:

<u>Год</u>	<u>Крестин</u>	<u>Венчаний</u>	<u>Погребений</u>	<u>Исповедников</u>	<u>Причастников</u>
1963	120	20	8	100	70
1964	149	25	40	87	69 [53]

В этом же отчете приводятся данные, также официальные, относительно посещаемости храма по некоторым дням, прежде всего Рождество Христово, Пасху, Престольный праздник:

<u>Год</u>	<u>Рождество</u>	<u>Христово</u>	<u>Пасха</u>	<u>Престол</u>	<u>Воскресные</u>	<u>Дни</u>
1963	300	250	200	35		
1964	250	200	150	35 [54]		

Но вернемся еще к временам отца Глеба Власова. В 2006 году, в приложении к современному старообрядческому журналу «Церковь» «Во время оно» были опубликованы отчеты епископа Геронтия (Лакомкина) архиепископу Московскому и всея Руси Иринарху о поездках по старообрядческим общинам. Здесь же есть и «Докладная записка о поездке в Егорьевск и с. Устьяново» в июне 1948 года. Про пребывание Владыки в Устьянове в опубликованном документе есть очень немного. Мы приведем этот кусочек полностью:

«В пятницу за мной нарочито прибыл по договоренности с Вами протоиерей о. Глеб Власов, и вечером мы отправились к ним в

Устьяново. В Устьянове также радушно встретили и совершали богослужение: на воскресенье 13 июня – всенощную, а в воскресенье в 6 час. утра литургию с молебствием Пресв. Богородице, иконе Божией Матери Казанской. Молящихся собралось очень много. В поучениях пришлось сделать объяснение и строгое назидание, чтобы миряне никогда не позволяли совершать крестного хода без священника и без разрешения, как это было сделано в прошлую Пасху. Виновные просили прощения и обещали, что впредь этого не повторится. Они решили, что беспоповцы без священников совершают все, и они решили, не зная канонов и правил церкви, 42 главы книги Кормчей и др. указаний.

В поучениях был особый призыв честно сугубо трудиться и быть хорошими, образцовыми гражданами нашей дорогой страны, и быть хорошими христианами, избегая всего греховного.

По окончании богослужения в облачении торжественно проводили меня в квартиру о. Глеба Власова, где была приготовлена скромная трапеза. Со слезами благодарности просили и впредь почаще посещать их... [55]

Здесь же, в сборнике «Во время оно», немного говорить и об самом отце Глебе Ивановиче Власове. Здесь, помимо указания на год рождения – 1887-й – поясняется, что родился он в деревне Острая Лука Медынского уезда Калужской губернии. В сан диакона, в 1913 году, его рукополагал старообрядческий епископ Калужско-Смоленский Павел (Силаев). В 1915 году он же рукоположил отца Глеба во священники к храму села Дворцы Калужского уезда. В 1929 году он вернулся на приход родного селения Острая Лука. В 1933 году отца Глеба осудили на пять лет, но уже в августе 1936 года освободили. В 1941 году, во время наступления немецко-фашистских войск, он эвакуировался в Горьковскую (ныне – Нижегородскую) область, де работал плотником на строительстве Перевозской ГЭС. В ноябре 1944 года отец Глеб Власов перебрался в Москву, где с декабря месяца он работал сторожем при Покровском кафедральном соборе на Рогожском кладбище. В апреле следующего 1945 года отца Глеба направили на служение в только что возродившийся приход Никольского храма селения Устьяново **Куровского района**

Внутренняя часть Никольского храма в Устьяново.

Прибл. 1960–1970-е годы.

Из архива У.Г. Андрияновой (1923–2010)

Московской области, в Гуслицы. Здесь он прослужил до 16 ноября 1950 года, когда, под предлогом того, что ему отказано во временной прописке, отцу Глебу Власову было предложено властями в течении 24 часов покинуть Московскую область. После этого он какое-то время проживал в поселке Оболенское Малоярославецкого района Калужской области, а затем был направлен на служение в старообрядческий храм села Пилипоновка Винницкой области Украины. Умер он в 1963 году. [56]

Основной причиной нелюбви властей к отцу Глебу было то, что практически сразу же оказавшись на Устьяновском приходе, он начал заниматься деятельностью, которая, по мнению советских чиновников, выходила за допустимые рамки компетенции священника. Отец Глеб не удовлетворялся только исполнением богослужений и треб, посему занялся в приходе работой с молодежью. Он организовал при храме прекрасный молодежный хор, в который входил и будущий священник Сергей Маругин. Местный председатель грозил священнику, что если тот не перестанет учить вере детей и работать с молодежью, он вообще не сможет служить в церкви. Властям также очень не нравилось и то, что отец Глеб посещал с целью совершения богослужений и духовных треб местности, где проживало много старообрядцев и не было ни одного старообрядческого храма. Законами тех лет подобное строго запрещалось. Отцу Глебу Власову власти неоднократно делали предупреждения. В конце концов они решили убрать из Устьяново деятельно священника.

Вместо «снятого с регистрации» отца Глеба Власова, в Устьяновском старообрядческом религиозном обществе в 1-м квартале 1951 года был зарегистрирован священник Василий Иванович Тихонов, 1889 года рождения. В документах уполномоченного о нем также говорилось, что он происходит из рабочих, имеет образование в виде трех классов церковно-приходской школы, в сане с 1923 года «со стажем служителя культа 6 лет», не судим. [57]

Отец Василий сразу же стал продолжать практику своего предшественника и, тайком от властей, стал выезжать за дозволенные

границы своего прихода по населенным пунктам Куровского района, где совершал требы: «Утверждают, что священник Тихонов, благодаря уставщику Кареву Д. К., ознакомился с практикой бывшего настоятеля церкви Власова Г. И. и воспринял его приемы». [58]

Но и священник В. И. Тихонов прослужил на Устьяновском приходе недолго. 24 июня 1953 года он был снят с регистрации «вследствии оставления службы по болезни». Вместо него здесь был зарегистрирован священник Иван Иванович Лоскутов, 1883 года рождения. [59] В сборнике «Во время оно» о нем есть немного информации, о том, что родился отец Иван (Иоанн) не в 1883-м (здесь скорее всего мы видим простую опечатку), а в 1888 году в деревне Квакино Алексинского уезда Тульской губернии. 18 июля 1923 года епископ Геронтий (Лакомкин) рукоположил его диаконом к Первому Покровскому старообрядческому храму города Ржева Тверской губернии. В 1928 году был арестован. После выхода на свободу он вернулся в Ржев, где продолжал службу диаконом до 1953 года. [60] В документах уполномоченного сказано, что диаконом (без указания места) о. И. Лоскутов служил до мая 1930 года. В сан священника для Устьяновского храма он был рукоположен в августе 1953 года. [61]

В 1960-х гг. в Устьяново какое-то время служил священник Авраамий Панин, бывший родом из деревни Селиваниха. В Государственном Архиве Российской Федерации нами обнаружены протоколы Освященного Собора старообрядческой Церкви в Москве 17 июня 1969 года, где упоминается запрещенный священник Авраамий Митрофанович Панин, дерзнувший священнодействовать невзирая на запрещение. Протоколом Собора было определено данного запрещенного священника подвергнуть извержению из сана. [62]

В 1977 году в Никольский храм в Устьяново был поставлен во священника отец Петр Половинкин, который прослужил здесь шесть лет. Хиротонисали в священнический сан его одновременно с отцом Сергием Маругиным, назначенным на приход в Алёшино.

После отца Петра Половинкина Устьяновский храм восемнадцать лет был без священника и приход обслуживался настоятелями

ближайших старообрядческих храмов из селений Алёшино и Слободищи.

В 1999 году главой Русской Православной Старообрядческой Церкви Митрополитом Алимпием (Гусевым) на Устьяновский приход был поставлен священник о. Алексей Михеев, правнук благочинного старообрядческих храмов Московской области в 1940-х – 1950-х гг. В жизни старинного прихода началась новая страница.

Иконостас Устьяновского храма.
Фото о. Шуров. С сайта «Храмы России»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. например: Письмо из Гуслиц. // Братское слово. М., 1914. № 15. С. 417.
2. Приход Шувое-Нарево Московской области. // Старообрядческий церковный календарь на 1949 год. М., б. г. С. 50.
3. Там же.
4. См.: главу II «Шувойский старообрядческий монастырь» в книге С. С. Михайлова «История старообрядческого прихода в Шувое». М., 2010. С. 20–33.
5. Центральный Исторический Архив Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 16. Л. 109; Д. 235. Л. 1–12; Там же. Ф. 203. Оп. 349. Д. 6. Л. 1–38.
6. Скворцов Н. Уничтоженные в Богородском уезде церкви. М., 1901. С. 11–12.
7. Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI – XVIII ст. Вып. 8, Пехрянская десятина, М., 1892. С. 222.
8. Холмогоровы... Вып. 6, Вохонская десятина. М., 1888. С. 22–27.
9. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 477. Д. 9. Л. 1–25.
10. Нистрем К. Указатель селений и жителей Московской губернии. М., 1852. С. 110, 167.
11. Памятная книжка Московской губернии на 1899 год. М., 1899.
12. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII, Вып. III, М., 1883, С. 94.
13. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 109. Д. 4. Л. 154 об.
14. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 98. Д. 536. Л. 2 об-3.
15. ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 21. Л. 57 об-59; Д. 259. Л. 130–132; Д. 451. Л. 10 об.
16. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 543. Д. 37. Л. 1.
17. «Раскольнические» часовни и моленные (1898 г.) // Богородский край, Ногинск, 2001. № 1. С. 18–21.
18. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 390. Д. 96. Л. 1–3.
19. ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 543. Д. 31. Л. 1–19.
20. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 157. Д. 31. Л. 39, 40.
21. Церковь. 1911. № 43. С. 1044.
22. Приход Шувое-Нарево Московской области. // Старообрядческий церковный календарь на 1949 год. М., б. д. С. 51.
23. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 162. Д. 130. Л. 1–10.
24. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 163. Д. 120. Л. 1–3 об.
25. Церковь. М., 1909. № 31. С. 940.
26. Церковь. М., 1910. № 30. С. 760.
27. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 162. Д. 130. Л. 10.
28. Церковь. М., 1911. № 47. С. 1235.

29. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 177. Д. 3236. Л. 1.
30. Там же. Л. 3–3 об.
31. Там же. Л. 7–8.
32. Там же. Л. 13.
33. «Мне хозяин – Бог, епископ и народ в его целом». Письма протоиерея Димитрия Варакина епископу Александру и архиепископу Мелетию. // Во время оно. Вып. 4. М., 2007, С. 114.
34. Там же. С. 103.
35. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 168. Д. 68. Л. 1–17.
36. Церковь. М., 1912. № 32. С. 758.
37. ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 111. Д. 80. Л. 42.
38. Центральный Государственный Архив Московской Области (ЦГАМО), Ф. 7383. Оп. 5. Д. 68. Л. 124.
39. Панкратов А. От востока направо. История, культура, современные вопросы старообрядчества. М., 2000. С. 175–183.
40. ЦИАМ. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 480. Л. 43.
41. «Мне хозяин – Бог, епископ и народ в его целом»... С. 103.
42. Центральный Архив Города Москвы (далее – ЦАГМ). Ф. 3004. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.
43. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.
44. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 8. Л. 8–11.
45. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 7. Л. 21.
46. Церковь. М., 1910. № 47. С. 1168.
47. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 11. Л. 13–14.
48. Там же. Л. 14.
49. Там же.
50. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.
51. Там же. Л. 47.
52. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 24. Л. 50–51.
53. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 84. Л. 47–48.
54. Там же. Л. 50.
55. «Молящимися храм был переполнен...» Отчеты епископа Геронтия о командировках по стране. // Во время оно. Вып. 3, М., 2006, С. 125.
56. Там же. С. 125–126.
57. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 24. Л. 24.
58. Там же. Л. 93.
59. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 37. Л. 9.
60. Во время оно. Вып. 3, М., 2006. С. 188.
61. ЦАГМ. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 37. Л. 9.
62. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 266. Л. 28.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Предыстория возникновения старообрядческого прихода в Устьяново.....	6
Глава 2. История старообрядческого храма-моленной в устьяново в XIX – начале XX вв.....	17
Глава 3. Никольский старообрядческий храм в Устьяново и его приход в первой трети XX столетия	24
Глава 4. История Устьяновского старообрядческого прихода в 1940-х – 2000-х годах	38
Примечания	49

Михайлов Сергей Сергеевич

**СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ НИКОЛЬСКИЙ ХРАМ
В СЕЛЕНИИ УСТЬЯНОВО**

К 100-летию предполагаемого освящения (1917-2017)

Компьютерная верстка И. Гришановой

Подписано в печать 00.08.2016 г.

Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печатных листов 3,25.

Тираж 50 экз. Заказ №1265.

Отпечатано в типографии «Транзит-ИКС»

г. Владимир, ул. Электrozаводская, 2.